Глиняные ноги

Владимир Близнецов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мрачное высокотехнологичное будущее накрыло Вечный город тяжелой, как снег, лавиной. Новые технологии изо всех сил тащат человечество вперед. Но нужно ли это самому человечеству? Готово ли оно к переменам? Бывший мафиози Лоренцо точно не готов, предпочитая тихую жизнь священника. Но старые долги заставляют его вспомнить молодость. Ведь вендетта — не пустой звук.

Рассказ писался для аудиосборника рассказов киберпанка в проект Олега Булдакова «Тёмные аллеи».

Отбор прошел и был озвучен.

- Владимир Близнецов
  - ○

Владимир Близнецов
Глиняные ноги

Граппа исчезает из стакана с непривычной для меня скоростью. Дрянная, тёплая, но я почти не замечаю вкуса. Руки дрожат так, что приходится поставить стакан на стол.

Pater noster, qui es in caelis.

Отче наш, сущий на небесах.

Рядом лежит лист бумаги, испещренный мелким шрифтом: Николо не доверил словам пройти через цифру. Когда я заканчиваю читать письмо, то понимаю, насколько он прав.

> «Дядя Лоренцо, многое надо бы тебе сказать, но времени почти нет. Последний месяц я работаю на кардинала Лазуретти. Ты знаешь, у меня нюх на неприятности, а все дела, связанные с правительством, воняют ими за километр. Но я был на мели, пришлось рисковать. Как оказалось, зря. Теперь моей сицилийской крови не даёт покоя мысль, что я могу так бездарно и безвольно погибнуть. Она заставляет обратиться к тебе, прости нерадивого крестника. Итак, месяц назад я внедрился в „Табула-Ово“, Господь знает, зачем Лазуретти понадобилось отслеживать информацию по новой технологии и платить за это такие деньги. Но чутьё старого павиана не подвело: сегодня из перуджийского филиала пытались украсть бета-версию программы. Причём самым наглым образом. Звучит фантастично, но никаких сетевых атак, просто группа недоумков-афров с пушками ворвалась внутрь, положив уйму народа. Можно было бы предположить, что ниггеры решили грабануть богатеньких цифровиков, если бы не одно „но“ — они знали, за чем шли. За TR-носителем с последней программой, искали Бар-Кохба. Не спрашивай, не знаю, что имелось в виду. Правда, афры были весьма разочарованы: я успел первым. Ты бы это не одобрил, но выбора не было. Диск TR я посылаю тебе: он лежит в конверте. Понятия не имею, что на нём записано, но за этим охотится и ваш кардинал, и тот, кто направил афров.
>
> Дядя Лоренцо, из этой заварушки мне не выбраться, но я постарался как минимум осложнить жизнь охотникам. А тебя я прошу отомстить. Священников о

таком обычно не просят, но ты должен отцу. Прости, что втянул тебя, просто иначе на том свете у меня будет вечная депрессия.

Помолись за меня.

С наилучшими пожеланиями, Николо Росси».

Николо Росси мёртв. Тело, изорванное «каруселью», найдено у аэролинии. Чип заблокирован.

Я последний, кто остался из семьи. Вендетта — мой второй крест.

Стакан пуст. Пить не хочется, но я всё равно опрокидываю в рот последние капли прямо из горлышка.

Adveniat Regnum Tuum.

Да приидёт царствие Твоё.

Комкаю листок в ладони, бумага хрустит. TR-носитель остается на столе, его я не коснулся ни разу. Сейчас, когда ценность человеческой жизни равна отрицательному числу, смерть стала обыденней секса. Киллеры встали на одну ступень с проститутками. Николо сумел приспособиться к такому существованию и даже остаться более или менее порядочным, я — нет. Когда Росси-старшего нашли под мостом у Тиберины, у меня осталось три выхода: бесконечно мстить непонятно кому, покончить с собой или исчезнуть из окружающей меня реальности. Для первого не хватило сил, для второго — смелости.

Обхватываю голову руками, за двадцать лет у меня не прибавилось ни того, ни другого. Тряхнуть стариной, вспомнить молодость… я боюсь вспоминать. И не хочу.

Пустую бутылку умный стол услужливо прячет в своих недрах. Рядом появляется новая, запотевшая. Вовремя.

Я последний, и уже никуда не деться. Со смертью отца Николо долг не исчез, наоборот стал ещё весомее.

Et in hora mortis nostrae.

И в час смерти нашей.

На стене — хорошая репродукция одной из Мадонн Рафаэля. И пусть это не икона, но как же от неё веет божественностью! Я подхожу и кладу пальцы на плечи нарисованной Марии, рамка отъезжает в сторону, открывая нишу, целиком занятую пыльной жестяной коробкой.

Я поджимаю губы и бережно, двумя руками поднимаю крышку. Мы не виделись двадцать лет. Я провожу пальцами по холодному металлу, по дереву рукоятки. Старик «магнум» всё так же грозен и элегантен.

Голова затуманена алкоголем, но лучше рассуждать сейчас, а не когда страхи вылезут наружу. Итак, банда афров нападает на

отделение «Табула-Ово» без предварительных атак на сеть, что по нынешним временам как минимум глупо. При этом им почти удаётся задуманное. С другой стороны — кардинал Лазуретти. Что ему понадобилось в осином улье цифровиков?

Взгляд падает на маленький диск TR. Разгадка в его памяти. Но мой устаревший ноутбук TR не прочитает. Остаётся совершить глупость — отправиться в Сан-Саба, чёрный район, пристанище афров в вечном городе: грязные струпья оспы на белой коже. Где ещё искать следы банды ниггеров, если не там?

Протягиваю руку к граппе. Сан-Саба подождёт до завтра, а сейчас мне просто необходим реквием по очередному этапу жизни. Предпоследнему, кажется.

Requiem aetemam dona eis, Domine.

Вечный покой даруй им, Господи.

* * *

Рим изменился. Из окна поезда аэролинии видно, как уткнулись в небо шпили высоток, засиженный, точно мухами, тарелками антенн. Транспортные сети пронзили город под землёй, на земле и по воздуху. Величественные храмы эпохи Возрождения кажутся косыми кладбищенскими часовнями. Приторно-гадостные звуки из динамиков на зданиях бьют по ушам круглосуточной рекламой, другая реклама светится на миллионах экранах «плазм». И это ночь.

Но я схожу на безлюдной станции без огней и назойливой лёгкой музыки. Заряженный револьвер заметно выпирает из внутреннего кармана пиджака: сутану, ставшую мне второй кожей, пришлось оставить дома. Белому соваться в район афров — самоубийство. Но ночью у меня больше шансов остаться живым. Грохочущий лифт спускает меня на землю и под неё, в катакомбы, населённые монстрами.

В Сан-Саба стоит абсолютная тьма. Несколько тлеющих фонарей вдоль улицы не менялись с двадцатого века. Узкие улочки легко могут вызвать клаустрофобию, из подворотен доносится музыка, похожая на удары по мусорным бакам. Неподалёку во мраке ругаются невнятные тени. Посреди улицы дерутся дети. Клубок из маленьких тел катается по растрескавшемуся асфальту, изрыгая яростные вопли и мат.

Население Сан-Саба до сих пор оценивается приблизительно. Отбросы сопротивляются глобализации, хотя сами являются её плодами.

Иду медленно, понятия не имею, куда. Лишь бы не

заблудиться в этом анклаве постапокалипсиса. Чёрные тела возникают из тьмы неожиданно, молча скользят мимо, исчезают, как призраки тёмных богов.

Задеваю носком ботинка что-то мягкое, чуть не падаю. Еле удерживаюсь, чтоб не выхватить револьвер. Посреди тротуара рядом с содержимым собственного желудка лежит человеческое тело. По чудовищному запаху перегара ясно — суррогаты алкоголя давно заменили ему кровь. Тело мычит нечто нечленораздельное. Я брезгливо морщусь и хочу идти дальше, но что-то меня останавливает. Достаю старенький коммуникатор Sci-dap и мелкую купюру, пальцы быстро выводят на дисплее «Бар-Кохба». Сильно пинаю афра под ребра, тот разом принимает сидячее положение, поводит недоумённым взглядом.

Я сую ему под нос Sci-dap и деньги. Грязная лапа тянется к купюре — размечтался, — отдергиваю руку.

— Сюда смотри! — приказываю я.

Лицо афра вытягивается, он бессмысленно хлопает ртом, с губ тянется отвратительная коричневая слюна. Наконец он выдаёт:

— Коррадо Джованни, — и, извернувшись, выхватывает деньги.

Затем неожиданно падает и отрубается — так же быстро, как до этого очухался. А может, просто засыпает.

Теперь я хотя бы знаю куда идти. Уже заворачивая за угол, замечаю, как от стены отделяются две фигуры и направляются к телу. Вероятно, это был последний заработок в его жизни.

* * *

Коррадо Джованни. Исковерканное афрами название некогда прекрасного проспекта. Сейчас он застроен ночлежками, уродливыми бараками из колотого булыжника, и среди этого неолита, со всех сторон окружённого светлым будущим, находится ответ.

Я прислоняюсь к обшарпанной стене. Земля мелко дрожит под ногами — внизу проносится поезд метро.

Летняя ночь идёт на убыль, сегодня я вряд ли что-то найду. Вид Коррадо Джованни повергает меня в ностальгическое уныние. Хочется достать «магнум» и расстреливать всех подряд, мстить за изуродованный город.

И тут из темноты улицы раздается голос, хриплый и механический, похожий на рычание дизельного двигателя. Я вздрагиваю.

— Белый, что ты знаешь о Бар-Кохба?

Доносится слабое дребезжание — так заводятся «карусели». На освещенный участок мостовой выступают четыре рослых афра. От их вида меня тошнит. У каждого не прикрытые плотью уродливые механические протезы, заменяющие части тела. В железных клешнях — «карусели». Ниггеры-киборги. Ниборги.

Беру себя в руки.

— Если скажете, что это такое, то я смогу ответить. — Кажется, голос прозвучал с излишним вызовом.

Афры перекинулись несколькими фразами. Отвлеклись. Этого хватило, чтобы «магнум» появился из кармана. Четыре человека, шесть патронов: приемлемый расклад. Похоже, это те, кого я ищу. Один здоровяк замечает оружие, начинает поднимать «карусель», но поздно.

Выстрел оглушает, руку отбрасывает сильной отдачей. Афр с противным скрежетом протезов падает. Остальные бросаются врассыпную, но, похоже, механические части не отличаются подвижностью — еще одного урода пуля кидает на землю. Отвык стрелять, но не разучился.

За спиной крошится кирпич — «карусели» работают бесшумно. Я спокоен, как после бутылки первосортной граппы; бесшумная стрельба приглушает чувство опасности. Это лживое чувство, но сейчас оно — единственный помощник, который держит меня, не даёт кинуться прочь. Следующий выстрел не находит цели. Я скрываюсь за углом какого-то барака.

— Еретик, ты обречён, — снова заговорил «дизельный двигатель». — Пророчество не остановить, отдай Бар-Кохба.

Стреляю на голос. Надсадное дребезжание «каруселей» вновь заставляет скрыться за стеной. В груди ноет, старое сердце не выдерживает такой нагрузки. А ведь всё только началось.

Откуда они узнали про меня? В памяти мелькнули две фигуры, двигающиеся к пьяному. Даже не знаю, благодарить ли судьбу за такой подарок.

Я собираюсь сделать ещё выстрел, но передо мной вырастает афр. Бесшумно, как сигаретный дым, возникает из-за угла. Время замедляется, растягивая звуки и движения. Меня бьет об стену, сильный удар сворачивает челюсть. Больше громила не успевает сделать ничего — револьвер я не выпустил, пуля вышибает ниггеру остатки мозгов. Подбородок безбожно болит, ноги дрожат. Я буквально вываливаюсь из-за укрытия. Четвёртый афр не успевает полоснуть меня лучом «карусели», я быстрее.

* * *

Афр еле ворочает языком. Перебитые ножные протезы превратились в месиво из металла, проводов и микросхем. Я оттащил тело в каменный закуток между массивным старым зданием и корявой постройкой чёрных.

— Бар-Кохба покарает тебя. Грядёт новая эра, — говорит афр, скрученный силовыми жгутами. Хриплый голос, дизельный двигатель.

Пусть надеется на Бар-Кохба. Афр силится ещё что-то сказать, кашляет.

Как же вытянуть из этого фанатика имя заказчика?

— Учитель… найдёт тебя, спасёт Бар-Кохба.

Я цепляюсь за нить:

— Учитель? Кто он?

Афр заливается смехом вперемешку с кашлем.

— Он пророк, он спасёт мир, разрушив старый изнутри.

Было бы наивно предполагать, что афр ответит прямо. Придётся поломать голову. Остался последний вопрос. Возможно, даже важнее личности «учителя»:

— Кто такой Бар-Кохба?

Глаза громилы наполняются фанатичным огнём.

— Бог… из… машины.

И тут всё встаёт на свои места.

Чёрное тело разрывается под лучами «карусели», мои джинсы заливает кровь.

Бар-Кохба лежит у меня на столе, рядом с письмом Николо, запертый в памяти TR-носителя. Истинный сын нового времени. Ум, созданный десятками умов человеческих созданий. Искусственный интеллект.

Афры с металлическими протезами ждут своего Мессию. Не нужно долго гадать, кто за ними стоит.

* * *

Я видел этого человека только раз. Кардинал-викарий Лазуретти, девяностолетний старик, похожий на павиана, переживший на своём посту восьмерых Пап. Второе лицо в Ватикане.

Набережная Санти полна людьми, как карьер песком. Они сыплются мимо, миллионы муравьёв, однодневки, вспышки в вечности. Вино булькает в желудке в такт нетвердым шагам.

Толпа качается, люди прижимаются к заплесневелым стенам исторических зданий: не торопясь, проезжает робот-поливальщик, струя пенной воды прибивает пыль к дорожному покрытию.

Мои губы шепчут молитву, пальцы то и дело поглаживают «магнум» под сутаной.

Бар-Кохба, сын звезды, искусственный интеллект. Его создание превращает в пыль тысячелетние церковные устои. Да, Ватикан приспосабливается ко всему: начиная с Коперника и заканчивая генной инженерией. Но создание искусственного разума окончательно сокрушит Церковь, уже сейчас ставшую атавизмом. Бар-Кохба, явленный миру, заставит этот уродливый аппендикс воспалиться. Потому что человечество встанет на одну ступень с Создателем. Именно поэтому Лазуретти так следил за работой «Табула-Ово». И я его понимаю. Мир тотального прогресса страшен, человечество готово надорваться и издохнуть. Надо притормозить. Сектанты-афры стали пешками в блистательной партии кардинала. К сожалению, не учёл он только ценности жизни Николо. К сожалению для меня.

Столб детектора на входе в Ватикан промолчал, и швейцарские гвардейцы проводили меня безучастными взглядами. Я знал, что детектор не сработает — металл уже никто не ищет. Площадь святого Петра обрамляют спроектированные Бернини полукруглые колоннады тосканского ордера. Тут людей намного меньше, чем за пределами ворот. Иду, еле двигая ногами, перевожу дыхание у египетского обелиска, перста языческой веры в центре христианства. Пульс неровный, быстрый, как трепет крыльев колибри.

Апостольский дворец возвышается надо мной, ощетинившись сотнями антенн. Сейчас у Папы время аудиенций. И я даже знаю, кого он принимает. И где.

Я не мог позволить себе риск и теперь знаю про Лазуретти всё. Знаю, когда он работает в кабинете, знаю, когда выезжает под охраной за пределы Ватикана, знаю, когда есть и спит. Более подходящего момента, чем сейчас, может не быть ещё очень долго.

Миную правительственные залы и несколько внутренних часовен. Помещения для аудиенций располагаются на третьем этаже дворца. По дороге встречаются одетые как клоуны гвардейцы, по лестнице навстречу мне плывёт лысый кардинал. Климентинский зал остаётся позади, впереди маячат двери папской библиотеки. Помимо прочего, это зал для частных встреч. Я на месте.

Дверь распахивается с тяжёлым скрипом.

Целестин VII сидит за столом, положив руки на столешницу. Я не успеваю разглядеть его лицо, взгляд приковывает фигура в красном по другую сторону. Я безошибочно угадываю Лазуретти.

Церковные владыки замерли. Вот он — момент истины, час

икс, точка джи моей долбанной жизни.

Я закрываю дверь.

— Вы кто такой? Как вы сюда попали? — голос Лазуретти скрипуч, холоден и надменен.

В следующую секунду дуло револьвера смотрит на него. Тянет сказать: «Сейчас вылетит птичка». Пощади меня, Бог. Я спускаю курок.

Красное забрызгивается красным. Кардинал корчится, выпадает из кресла, грохается о пол работы Бернини. Целестин VII медленно поворачивает голову, смотрит на нелепую фигуру кардинала, как никогда похожую на павиана. Выражение лица Папы апатично. Потом он поднимает глаза на меня.

Вот и конец вендетте, все долги розданы и все получены. Осталась одна маленькая деталь.

Широкими шагами подхожу к старику в белом. Становлюсь на колени.

— Ваше Святейшество, как истинный католик, я не мог оставить грехи этого человека без наказания. Но и, как истинный католик, я не могу идти против матери-церкви. Это ваше.

Запертый в TR Бар-Кохба и «магнум» падают к ногами понтифика.

Он, дрожа (от старости, а не страха), поднимается, занесенная снегом скала, тролль-альбинос.

— Прошу, отпустите грехи. Наложите епитимью.

Целестин VII молчит, Бар-Кохба хрустит под его каблуком, разлетается по залу безопасными осколками.

— Бог простит, сын мой, — говорит Папа бесцветным старческим голосом.

Это последние слова, которые я слышу в жизни.

Потом понтифик подбирает револьвер.

© Copyright Близнецов Владимир (vip-petrarka()mail.ru), 17/10/2011.